

— Чавк, чавк.

За столом раздавались звуки уплетаемой куриной ножки. Дахуан совершенно не понимал накалившейся атмосферы, он был всего лишь простой собакой, которая любила вкусно поесть. Хозяин дал команду — значит, можно есть.

Щенок ел с аппетитом. Он даже двигал миску носом, отчего та звенела о стол.

Все остальные молчали.

Лу Жань действовал так быстро и дерзко, что все были ошарашены.

К тому моменту, как Дахуан обглодал половину куриной ножки, никто так и не пришёл в себя.

Госпожа Шэнь застыла с вытянутыми палочками, которыми хотела взять куриную ножку.

Шэнь Синжань замер с протянутой рукой.

И только Лу Жань, вытащив косточку из пасти Дахуана, проговорил:

— Эй, варёные кости есть нельзя.

— Ах!

Госпожа Шэнь коротко вскрикнула. Забыв даже о своих безупречных манерах, она тыкала палочками то в ужинающего Лу Жаня, то в ужинающую рядом с ним собаку:

— Ты... Как ты смеешь сажать собаку за стол! И ещё отнимать куриную ножку у Жань Жаня!

Пока она говорила, Лу Жань уже успел положить вторую куриную ножку в тарелку Дахуана.

Шэнь Синжань тоже был ошарашен выходкой Лу Жаня, однако он быстро взял себя в руки и, изобразив страх перед Дахуаном, резко отодвинулся на стуле. После двух пощёчин от Лу Жаня он, несмотря на шок, в глубине души обрадовался. После такого демарша родители точно не примут Лу Жаня в семью, а значит, ему не придётся беспокоиться о том, что его позиция в семье окажется под угрозой. Но, несмотря на радость, в душе Шэнь Синжаня теплилось беспокойство. В конце концов... пощёчины были очень болезненными.

Стул Шэнь Синжаня с неприятным скрежетом проехался по полу. Этот звук должен был привлечь внимание госпожи Шэнь и Шэнь Хунъюаня, но прошло немало времени, а Шэнь Синжань так и не дождался обеспокоенных расспросов. В недоумении он поднял голову и

увидел, что госпожа Шэнь, схватившись за грудь, вот-вот упадёт в обморок.

Шэнь Хунъюань сжимал палочки так, что те дрожали. Он не сводил глаз с Лу Жаня.

Мужчина был в гневе, внимание его матери Шэнь захватил Лу Жань.

Шэнь Синжань был немного рассержен. Он посмотрел на Шэнь Синчжо, но тот не смотрел на Лу Жаня. Он, казалось, задумался о чём-то, глядя на жёлтую собаку, которая сидела рядом с Лу Жанем и вылизывала тарелку. Шэнь Синжань был вынужден нарушить молчание:

— Папа, мама, не надо так волноваться!

Сказав это, он поднял голову, чтобы посмотреть на Лу Жаня, словно хотел что-то сказать, но потом робко опустил голову, прикрывая щеку:

— Собачка... такая милая...

Он говорил, что собака милая, но при этом поглаживал «укушенное» место.

— Лу Жань! Что ты делаешь?! Прогони эту собаку! — Шэнь Хунъюань стукнул по столу.

— Быстро убери её отсюда. Посмотри, как ты напугал Жань Жаня. Жань Жань, не бойся, это всего лишь собака... — успокаивала Шэнь Синжаня госпожа Шэнь.

— Брат... Брат, наверное, просто очень любит эту собаку, — заваривал чай Шэнь Синжань.

— Чав-чав, — Лу Жань и Дахуан уплетали еду.

Лу Жань оставался глух к царившему за столом переполоху. Семья Шэнь не пожалела денег и наняла отличного повара, еда была совсем не такой, как в школьной столовой, а так как Шэнь Синжань получил «тяжёлую травму» лица, госпожа Шэнь специально попросила повара готовить без соли и масла, так что многие блюда подходили Дахуану.

— Ешь! Ты ещё и есть смеешь?

— Лу Жань, ты совсем страх потерял! Сначала твоя собака укусила твоего брата, потом ты сам дважды ударил его по лицу, а теперь ещё и за стол сел со своей псиной! Ты хоть немного уважаешь главу семьи Шэнь?! — поведение Лу Жаня сильно раздражало Шэнь Хунъюаня.

Достигнув средних лет, он полюбил выплёскивать свой гнев за обеденным столом. Все три сына реагировали на это по-разному, но всё-таки реагировали, а Лу Жань вёл себя так, словно

его полностью игнорировали, что ещё больше злило Шэнь Хунъюаня.

Лу Жань положил себе на тарелку целый кусок сёмги. Этим жестом он показал, что плевать хотел на главу семьи Шэнь.

— Думаешь, раз вернулся в семью Шэнь, то тебе всё дозволено?! Ты хоть посмотри на своего брата, а потом на себя! Да что ты из себя представляешь? Только и можешь, что доставлять неприятности семье! Ещё и учишься на никчёмного ветеринара! Я что, должен всем рассказывать, что мой сын — ветеринар?!

Лу Жань продолжал есть, не поднимая головы.

Дахуан, казалось, понял, что человек ругает его хозяина. Он перестал есть мясо из миски, поднял голову и с тревогой посмотрел на Лу Жаня своими чёрными глазами-бусинками.

Каждое слово Шэнь Хунъюаня было правдой.

Боль от потери младшего сына давно утихла, а когда он услышал, что Лу Жань нашёлся, то первым делом подумал, что это доставит ему много хлопот. Ладно бы Лу Жань был толковым парнем, но нет, он был никчёмным, а это могло навредить репутации семьи Шэнь, и вот теперь весь этот скрытый гнев вырвался наружу:

— Ещё миллиард требует! Ты хоть понимаешь, что в том, что ты потерялся, была твоя вина?! Разве ты не сам убежал? С самого рождения только проблемы от тебя! Наверное, этому тебя научил тот директор Лу из детского дома! Не зря он в прошлом году сдох! Смерть за грехи!

Услышав это, Лу Жань замер. Он невозмутимо прижал голову Дахуана и тихо сказал:

— Ешь давай.

Поначалу за столом все слушали, как отец Шэнь ругает Лу Жаня. Только Лу Жань продолжал есть. Но ел он с таким аппетитом...

Парень с собакой выглядели так, будто вели кулинарный стрим.

Кто-то за столом невольно сглотнул. Госпожа Шэнь потянула Шэнь Хунъюаня за рукав, показывая, что ему пора остановиться. Сейчас важнее было поесть.

Тот, ругая Лу Жаня, и сам успел проголодаться. Но стоило ему взять в руки палочки, как Лу Жань сыто рыгнул и вытер рот салфеткой. Он посмотрел на сидящих за столом людей, которые ещё не притрунулись к еде, и спокойно улыбнулся:

— Раз не хотите, можете не есть.

Семья Шэнь, уже собиравшаяся приступить к трапезе, опешила. Лу Жань посмотрел на сидящего рядом Дахуана и сказал:

- Дахуан, не терпи, иди покакай.

Последние слова прозвучали так неожиданно, что всем показалось, будто им послышалось. Даже Дахуан на мгновение остолбенел. Он немного смутился, вопросительно посмотрел на Лу Жаня и гавкнул.

— Иди, — коротко сказал Лу Жань.

Дахуан в нетерпении покрутился на стуле, в конце концов он спрыгнул на пол и оставил там здоровенную кучу. По комнате поплыл одуряющий аромат. Лица семьи Шэнь, взявших в руки палочки, позеленели. Даже у Шэнь Синжания на лице отразились все оттенки отвращения.

— Ты... ты! — Шэнь Хуньюань, ругавшийся весь вечер, затрясся от гнева.

В следующую секунду Лу Жань с хмурым видом встал. Он достал из кармана мешок для собачьих экскрементов и, не колеблясь, собрал кучу с пола.

Но он не ушёл.

На глазах у ошеломлённой семьи Шэнь, он наступил ногой на стул и забрался на стол, держа в руке пакет с дерьмом. Лу Жань ногой перевернул тарелки с едой и как сумасшедший начал размахивать пакетом. Это была настоящая атака без разбора.

Шэнь Синжань хотел было закричать, но, почувствовав, как нечто неопознанное пролетело у него перед самым лицом, тут же закрыл рот. В этой неразберихе Лу Жань подскочил к госпоже Шэнь. Размахивая мешком с дерьмом, он указал на Шэнь Синжания и спросил:

— Тебе его жалко, да?

Госпожа Шэнь потеряла дар речи. Она не сводила глаз с того, что было у Лу Жаня в руках, и отодвинулась на стуле как можно дальше, подняв руки вверх. Всё её естество просто кричало: «Не подходи!»

Лу Жань был недоволен её реакцией. Он сел на корточки на столе и подался вперёд:

— Мне плевать, жалко тебе его или нет! Хочешь быть подстилкой для своего приёмного сына

— валяй, но меня в это не впутывай!

— Или ты считаешь, что я не обижен? А? — продолжал Лу Жань.

Госпожа Шэнь не смела и слова вымолвить. Плотно сжав губы, она лишь судорожно замахала руками:

— Ммм, нет... Не... так! Так!

Лу Жань закончил отчитывать мачеху и перевёл свой тёмный взгляд на Шэнь Хуньюаня, который ругался на протяжении всего ужина. Шэнь Хуньюань, очевидно, был более стойким. Он указал на Лу Жана и попытался что-то сказать.

Но Лу Жань протянул руку!

Шэнь Хуньюань закатил глаза и чуть не потерял сознание.

Лу Жань не дал ему упасть в обморок. Одной рукой он держал перед его лицом мусорный пакет, а другой схватил за плечо и начал отчитывать:

— Ты только что сказал, кто пострадает от расплаты? Кто тебе позволил так говорить о директоре Лу? Ты кто такой, чтобы судить о нём?

Шэнь Хуньюань уставился на пакет в руке Лу Жана, сначала кивнул, а потом, придя в себя, начал яростно мотать головой.

— Говори! Разве ты не красноречив? — тон Лу Жана не был тяжёлым, скорее, наоборот, лёгким.

Но его глаза были такими тёмными, что не оставляли сомнений: он готов вывалить содержимое пакета прямо на лицо Шэнь Хуньюаню. Глава семьи Шэнь, Шэнь Хуньюань, впервые в жизни столкнулся с таким опасным для жизни кризисом. Сжав губы, он с трудом выдавил:

— Не... не позволил!

Лу Жань продолжил допрос:

— Ты ещё и мою профессию унижил? Ветеринар — это плохо? Повтори!

Лу Жань почти уткнулся носом в нос Шэнь Хуньюаню. Шэнь Хуньюань, находясь в

полуобморочном состоянии, откинулся назад. Он пустил в ход весь свой деловой талант приспособливаться к ситуации:

— Хорошая! Хорошая! Перспективная!

Только тогда Лу Жань отпустил его. Он повернулся к Шэнь Синжаню. Тот уже встал, чтобы убежать, но Лу Жань схватил его за волосы и потянул назад:

— Убегаешь? Ты же такой хороший сын! Твоих родителей угрожают закидать собачьим дерьмом, а ты вместо того, чтобы разделить с ними трудности, собрался сбежать?

Шэнь Синжань замер на месте, не смея шелохнуться. Лу Жань, держа в руке мусорный пакет, указал на Дахуана:

— Спрошу ещё раз: кто тебя укусил за руку?

Шэнь Синжань всё ещё пытался упорствовать. Лу Жань показал ему дыру в мусорном пакете. На этот раз Шэнь Синжань не притворялся, он действительно готов был расплакаться, он впервые в жизни признался так честно, громко сказав:

— Это я сам, я сам себя поранил.

Пока Лу Жань допрашивал Шэнь Синжаня, Шэнь Синчжо отодвинулся от стола. Как любящий брат, он, вероятно, очень хотел спасти своего младшего брата, но, глядя на то, что было в руках Лу Жана, он впервые в жизни несколько секунд колебался. За эти несколько секунд Лу Жань развернулся и швырнул в него мусорный пакет. С громким «шлепком» пакет, готовый вот-вот порваться, приземлился на дорожную кожаную куртку Шэнь Синчжо. Материал куртки был очень плотным.

В гостиной повисла тишина.

Остальные трое членов семьи Шэнь застыли на месте, наблюдая, как тонкий мусорный пакет деформируется и сжимается, словно в замедленной съёмке.

А затем... не выдержал нагрузки.

И в конце концов раздался звук «бульк».

Содержимое пакета разлетелось в разные стороны, особенно далеко и высоко.

Сидевший ближе всех Шэнь Синжань почувствовал на лице тёплые капли и инстинктивно

отшатнулся. Он всё ещё был в растерянности и не понимал, что это на его лице.

А тем временем разлетевшаяся полужидкая масса уже начала вторую часть своей параболы, падая вниз, как дождь, с хлопками «шлеп-шлеп-шлеп».

Семья Шэнь сидела, не двигаясь, в состоянии транса. В тот момент все подумали, что им это снится. Не то что увернуться, они даже закричать забыли.

И вот этот «дождь» закончился.

Лу Жань, успевший схватить Дахуана и отскочить в сторону, подошёл ближе. Он остановился рядом с Шэнь Синчжо. Второй молодой господин семьи Шэнь окаменел на месте, его глаза опустели.

— Думал, сможешь убежать? — Лу Жань пнул его ногой. — Ещё раз попробуешь тронуть мою собаку — будешь жрать дерьмо!

Он несколько раз пнул Шэнь Синчжо. Под потрясёнными взглядами остальных, Лу Жань поднял с пола мусорный пакет, которым ударил Шэнь Синчжо, и швырнул его на обеденный стол.

Все члены семьи Шэнь одновременно вздрогнули.

Лу Жань наступил ногой на табурет, прижимая к себе Дахуана, и громко заявил:

— С сегодняшнего дня я буду править в этой семье! И никто больше не посмеет повышать голос на меня и мою собаку!

<http://bllate.org/book/14245/1258420>